

Социально-экономическая дифференциация общества в цифровую эпоху: нетократия — вымысел или реальность?

© В.Г. Родионова

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрены новые аспекты недостаточно исследованных наукой процессов влияния информационных технологий на социально-экономическую дифференциацию современного общества. Эволюционная смена технологических эпох во все исторические времена содержит закономерность социальных преобразований, в том числе перегруппировку социальных сословий общества. Нынешней индустриальной эпохе и ее переходу к постиндустриальному обществу также свойственны эти объективные закономерности, специфически проявляющиеся под влиянием информационных и цифровых технологий наступившего XXI в. В частности, это относится к формированию так называемого нового социального класса — нетократии, специалистов, обладающих уникальными знаниями и компьютерными технологиями. Реальны или вымышлены их претензии на главенствующую роль в изменяющейся социально-экономической дифференциации будущего постиндустриального общества?

Ключевые слова: социально-экономическая дифференциация населения, социальное государство, реальное богатство, достаток, нормальный уровень благосостояния, бедность, нищета, закон непредвиденных последствий, нетократия, постиндустриальное общество, цифровые и информационно-коммуникативные технологии.

Введение. Современные информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) уникальны лишь для современной эпохи. Опираясь на цифровое программирование, они эффективно, мощно, но зачастую неосознано (поскольку преимущественно виртуальны) дополняют созданные ранее человечеством способы передачи информации окружающему миру о монополии прав на власть и богатство во всем их разнообразии.

Закономерности эволюции средств коммуникативной информации в человеческих сообществах. Коммуникативная информация в человеческих сообществах — это процесс передачи неких содержательных сведений, вызывающих необходимость ответной целесообразной реакции. Средства и способы передачи коммуникативной информации зависят от характера и содержания сведений, а также от целей, ожидаемой реакции и последствий. В этом смысле передача коммуникативной информации требует соответствующих средств и способов своеобразной трансляции, способствующих получению ожи-

даемого эффекта. Процесс и способы коммуникативного информирования могут выполнять функцию оповещения, побуждать к взаимодействию, подчинению требованиям и т. д. Процесс коммуникативного информирования и применяемые средства менялись от одной эпохи к другой, приобретая вид эволюции со своими закономерностями обновления и совершенствования. В каждом сообществе вырабатывались и существовали достаточно убедительные способы и средства коммуникативного информирования. Они могли быть дифференцированными для каждой из групп или индивидуумов сообщества. Даже в животном мире имелись свои, естественно, жестокие, но весьма очевидные и убедительные способы коммуникативной информации. Брутальным может показаться сравнение человеческого сообщества с естественным миром животных, где дифференциация имеет поистине объективное выражение особого права, принадлежащего сильнейшему хищнику, убивающему жертву и тем самым присваивающему себе «монопольное» первенство в процедуре «пиршества», поедания трупа убитого животного. Достаточной «демократией» в таком пиршестве был допуск хищником-убийцей к поеданию останков либо родственных групп «соплеменников», либо животных, не вызывающих у него явной агрессии по поводу доступа к обедкам. В самую последнюю очередь доступ к обедкам получали трусливые шакалы, жалкие внешне, дрожащие от голода и не осознающие собственного униженного состояния в животном сообществе из-за неспособности к хищной охоте. В естественной среде сосуществования животного мира своеобразным информационно-коммуникативным средством служили звериные инстинкты, утвержденные природой, генетикой и негласными, но хорошо усвоенными «правилами».

В отличие от животного мира, в человеческой среде выбор и характер информационно-коммуникативных средств, а также способ их применения определен естественными природными свойствами людей. Это свойства разума, речи, знаний и иных уникальных способностей людей, которые отличают социум человека от животного мира. Вместе с тем специалисты в области средств массовой информации отмечают [1], что естественные свойства человека позволили соответствующим образом изменить и приспособить выбор средств и способов информационно-коммуникативного влияния на социальное сообщество. Так, с древних времен коммуникативное информирование сводилось чаще всего к разграничению и провозглашению прав и обязанностей различных групп сообщества в соответствии с его иерархией. В ранних примитивных сообществах для этого достаточно было использовать такое средство, как способности людей к устной речи, содержащей соответствующую информацию. В дальнейшем потребовались умения человека к накоплению и демонстрации знаний. В этой

связи потребовалось превращение осмысленных знаний об информации и ее содержании в письменную форму, придавшую записям своеобразную силу документа. Наконец, эволюция и прогресс продолжились в том, что для записи и провозглашения информации потребовалось образование, т. е. формирование у людей навыка написания текста, способности его прочтения, а также навыков оповещения, провозглашения, своеобразной трансляции сообществу сути документа.

В древние эпохи первой формой письменного документа как материализованного средства коммуникативного информирования общества служили глиняные таблички с клинописными или иными символами записи. Их содержание в качестве информационного материала было многообразно по значимости. Они изменялись в зависимости от «географии», климата, намерений сословных иерархий и иных условий существования человеческих сообществ. Родиной первых представителей глиняных табличек с записями была Месопотамия; все еще не прочитаны записи на «Круге Феста» с греческого острова Крит. На территории Древней Руси существовали так называемые берестяные грамоты и иные формы «информативно-коммуникативных» средств передачи сведений в сообществе. Древние документы чаще всего сообщали о правах элиты социального сообщества и обязанностях остальных групп по их соблюдению.

Книга как информационно-коммуникативное средство в сословном обществе. Существование письменных форм документов как средства информационно-коммуникативного общения в сообществе ускорило эволюцию и совершенствовало человеческую цивилизацию. Существо эволюции и ее закономерности заключаются в усложнении целей коммуникативного информирования и совершенствовании средств «трансляции» сообществу их содержания. Последующий процесс эволюции в этой области — переход к письменно-бумажной форме записи информации. Эпохи и «география» эволюционных процессов могли не совпадать, поскольку бумага впервые создана в Китае, а ее использование в форме информационно-коммуникативного материала — в более поздние эпохи и в иных регионах. Началом оказался средневековый период создания рукописных книг религиозного содержания. В последующие периоды бумажная книга, издаваемая с особым тщанием и драгоценным обрамлением, приобрела статус сокровища, поскольку содержала в себе накопленные, ценные и не для всех доступные знания. Именно эти свойства книги способствовали, во-первых, ее распространению в состоятельных социальных сословиях; во-вторых, стремление к усвоению записанного в книге знания способствовало ускоренному распространению образования, обучения способности к прочтению книжного текста. Содержание книжного текста постепенно менялось:

переход от книг религиозного содержания к текстам социально-коммуникативного характера превратил книгоиздание в информативно-коммуникативный инструмент и средство государственно-законодательного содержания, подлежащего усвоению и безусловному соблюдению сообществом.

Книга содержала знания нового для данной эпохи креативного класса людей с их стремлением к освоению книжного текста путем его прочтения, изучения и использования. В этом смысле книга, изданная на сравнительно доступном бумажном материале, оказалась информационно-коммуникативной формой-символом, воплощением накопленного человечеством знания, компетенций и навыков, дающих преимущества изучающему ее человеку для получения доступа к власти, особым правам, политике и, следовательно, участию в распределении общественного богатства.

Эволюция подобного процесса завершилась формированием документальной книжной записи свода общественных правил и законов, где предусматривались определения прав государства, элит и иных сословий. Главной функцией записей бумажного содержания было и остается своеобразное информационно-коммуникативное «оповещение» социального сообщества о правах и обязанностях, формах контроля и регулирования их соблюдения в условиях той или иной эпохи.

Определилось содержание цели технологического применения такого средства, как сформированная запись законодательства, закрепляющего властные права и обязанности государства, его элит и иных сословий, их соотношение с правами на власть в сообществе, а также на распределение и присвоение долей общественного богатства.

Сменялись виды властных элит, физически осязаемые формы реального богатства, изменялись информационно-коммуникативные средства оповещения о них в существующих сообществах. На ранних стадиях это были преимущественно земельные территории и нетленные сокровища; затем земельные и недвижимые владения и капитал как средство обработки; в более поздние эпохи — знания и отражающие их письменные средства — книги и предметы искусства.

Создание и совершенствование коммуникативных способов информативного оповещения в обществах подтверждают и сохраняют основную цель: провозглашение интересов элит и подчинение этим интересам остальных сословий общества. Информационно-коммуникативные средства закрепляли социально-экономическую дифференциацию в человеческих сообществах. Их прогрессивная роль состояла в том, что, отражая интересы традиционно существующих элит, они способствовали также формированию необходимых элите образованных сословий с их способностью транслировать соответствующую коммуникативную информацию. Новые группы со-

циального сословия одаривались особыми правами и властными обязанностями, что выражалось в причастности к распределению общественного богатства.

В эволюционных процессах неизменным остается лишь предмет причинно-следственного противостояния людей при их социально-экономической дифференциации в сообществах — относительно ограниченный ресурс потребления как истинное богатство в его материально осязаемых формах и неосязаемых субстанциях властных прав и способностей влияния на его распределение.

Эпоха феодализма. В данный период символ книги служил целям информации о принадлежности к аристократии или доступу к ее иерархическим сословиям. Книга как печатный продукт была также символом законодательного закрепления в государственных скрепах вечных монопольных прав феодальной аристократии на главный и нетленный вид естественного богатства — землю как основную форму недвижимого имущества. Формирование общественной иерархии и ее законодательное закрепление государством были воплощены также в законодательно издаваемых информационных источниках о формах крепостничества и иных видах социальной зависимости общественных иерархических сословий дворянства, воинских обязанностей сословий, обслуживающих интересы феодальной верхушки и ее элит. В эту эпоху книга во всех ее ипостасях служила информационным символом как по своему содержанию, так и по факту ее принадлежности владельцу, способному к чтению и осмысленному знанию, дающему доступ к власти и ее использованию в политике, типичных для элиты или ее ближайших иерархических сословий. Естественно, требовалась и существовала особая информативно-коммуникативная форма совершенствования и пополнения книги (в виде свода законов) для воплощения в ней священных прав феодальной элиты и пожизненно наследуемых прав ее потомков на земли, крепостных крестьян, барщину, сборы, налоги и прочие действительно уникальные формы и символы прав и богатства феодальной аристократии.

Сохранила ли в современную эпоху книга свой статус? Для книголюбца — да, для доступа в сферу образования — все еще да, но как главное информационно-коммуникативное средство — скорее всего, уже нет. Первоначальный символ бумажного издания книги как печатного источника тиражирования информации постепенно утрачивается. Не исключено, что начало этого процесса относится к тому периоду, когда содержание даже священной книги — Библии — умышленно или неумышленно оказалось возможным изменить в процессе ее перевода на все языки мира, а толкование текста зависело от его понимания переводчиком.

Эволюция книжных информационно-коммуникативных средств о правах и обязанностях в области феодально-крепостнического земле-

владения — это почти современная история, известная любому прилежному школьнику, интересующемуся историей своей страны. Сегодня останки той эпохи воплощены в каменных строениях замков, дворцов (иногда более или менее охраняемых государством руин) с прилегающими к ним земельными пространствами или без них. Сами по себе архитектурные строения служат информационно-коммуникативным символом, сообщающим о былых технологиях информирования социальных сословий общества об их креативных и весьма влиятельных представителях. В европейских странах подобные информационно-коммуникативные формы оповещения о правах и богатстве феодального сословия принадлежат еще живущим ныне законным (!) наследникам бывших аристократических семей. Сегодня данные владения могут лицезреть туристы и (или) новая буржуазия любой страны, покупающая их у наследных аристократов-собственников, если у современных богатых сословий нет иных объектов или сфер инвестирования денежного капитала, «обжигающего» ладони масштабными суммами.

Сохранившиеся до настоящего времени формы былого богатства феодальной аристократии практически бесполезны и чаще всего требуют лишь дополнительных непроизводительных затрат для поддержания их в благообразной, неразрушенной форме для информационно-коммуникативной иллюстрации личного престижа и богатства новой буржуазии существующей ныне индустриальной эпохи. Земельная и старая торговая аристократии эпохи меркантилизма были потеснены новой буржуазной элитой, осуществившей первоначальное накопление капитала. Новая элита не отвергала, а покупала на первоначально накопленный денежный капитал любые атрибуты технологий уходящей феодальной эпохи. Предпочтительной, привычной и осязаемой формой богатства оставались земля и отчуждаемая феодальной аристократией недвижимость, превращаемая в реальный капитал. Первоначально накопленный денежный капитал в силу своей ликвидности легко превращался в любые материальные формы активов: движимое и недвижимое имущество, капитальное оборудование и прочие орудия производства. Капитальные и денежно-финансовые активы как формы богатства нового сословия позволяли подчинить не только институты существующего государства с его законодательными и исполнительными структурами, но и низшие социальные сословия наемного труда для собственных целей — воспроизводства и неустанного накопления богатства.

Престижным и значимым оставалось также приобретение बुмажной, но дорогостояще оформленной книги, остающейся символом престижного продукта и источника ценного информативно-коммуникативного средства. Факт покупки книги становился также

средством и символом демонстрации новыми буржуа собственной исключительности, поскольку их первые представители зачастую все не обладали навыками чтения. Капитал как форма богатства не требовал особых комментариев для характеристики ни его грубых, ни эстетически облагороженных форм в виде книг или иных предметов искусства в личном пользовании их собственника. Они приобрелись как дополнительные информационно-коммуникативные средства, повышающие общественный и личный статус владельца богатства. Что внесла эта эпоха в социально-экономическую дифференциацию обществ?

Индустриальная эпоха и ее информационно-коммуникативные способы баланса социальных интересов. Смена феодализма индустриальной эпохой машинно-технической промышленности продолжалась почти два столетия (XIX и XX вв.), охватывая, в том числе, период параллельного сосуществования противоположных систем — капитализма и социализма. На стадии индустриальной эпохи практически во всех странах мира была сформирована приемлемая для каждой системы государственная политика выборной модели демократических прав для всех существующих сословий, уа-лирующая остроту проблем социально-экономической дифференциации человеческого сообщества, в том числе по долям трудового распределения реального богатства. Цель измерений справедливости прав и регулирующих распределительных мер в этой области — формирование социального благополучия страны и «успокоение» ее социальных сословий тем фактом, что ни в отдаленные исторические времена, ни в современных обществах эти условия не могут воплощаться в справедливом доступе к совокупному богатству общества. Доказательством служило также то, что и в прошлые столетия классическими научными трудами социалистов-утопистов не была доказана возможность социально справедливого устройства общества, а также распределения его совокупного богатства [2–4]. Например, в существующих в письменном виде трудах ушедших времен они имели вид утопических идей о будущем *социалистическом обществе* (Т. Мор и Т. Кампанелла). Утверждаемые идеи о возможности существования справедливого устройства человеческого общества были опровергнуты не только в эпоху создания этих трудов, но и в социалистическую эпоху конца XX в., доказавшего невозможность распределения совокупных общественных благ по потребностям.

Социальная специфика проблем современной эпохи индустриального общества достаточно обстоятельно представлена в любом обязательном для усвоения учебнике по «Экономической теории» [5, с. 341–368], пополняющего знания молодого поколения существующего человечества. Формы социально-экономической дифференциации стран и их населения, а также причины и формы неравенства об-

рели научные определения и достаточно точные методы количественного измерения «богатства», «достатка», «нормального уровня благосостояния», «бедности» и «нищеты». Они обоснованы и законодательно закреплены такими информационно-коммуникативными средствами, как нормы гарантированного потребления соответствующей части реального богатства малоимущими группами населения, в пользу которых поступает часть изъятых налогов на доходы и имущество состоятельных граждан.

Существуют, например, *децильные коэффициенты дифференциации* — это крайние (первый и девятый) децили, характеризующие соответственно максимальный доход 10 % наименее состоятельного населения и минимальный доход 10 % наиболее состоятельного населения. Децильный коэффициент показывает, во сколько раз минимальный доход 10 % наиболее богатых граждан превышает максимальный доход 10 % беднейшего населения, и определяется по формуле: $Kd = D9/D1$. Используется также так называемый *коэффициент фондов*, показывающий соотношение средних значений доходов внутри крайних децильных групп населения или их долей в совокупном объеме доходов. Применяется и *коэффициент Джини* (или индекс концентрации доходов), показывающий степень отклонения линии фактического распределения общего объема дохода от линии их равномерного распределения. Значения коэффициента Джини изменяются в интервале от 0 до 1. Чем ближе этот коэффициент к 1, тем выше уровень неравенства в распределении общего дохода. Коэффициент приближения к 0 показывает более высокий уровень равенства в распределении дохода. Имеется также *метод оценки дифференциации по кривой Лоренца* для иллюстрации распределения и концентрации дохода в различных социальных группах населения.

Перечисленные (и неупомянутые) методы, касающиеся оценки благосостояния населения, распределения доходов, социально-экономической дифференциации населения, применяемые в статистической практике отдельных стран, по существу, содержат в своей основе информационно-коммуникативную констатацию того, что в реальной жизни современного индустриального общества не может быть достигнуто ни абсолютного равенства, ни абсолютного неравенства. Очевидно, что даже эффективная социальная политика в экономически развитых странах оказывается неспособной сформировать социум, где «богатое государство оказалось бы государством богатых людей». В современную индустриальную эпоху содержанием категорий «социальное государство», «функции социальной политики» и др. теоретически и практически признан объективный факт невозможности полного устранения социально-экономического неравенства.

Категория «уровень жизни населения» «транслирует» информацию о том, что это комплексная, обобщающая система показателей, производных от совокупного валового продукта страны (например, ВВП), влияющего хотя и однонаправленно, но не равномерно на социально-экономическое и материальное благосостояние различных групп населения.

Первая попытка выявить и информационно-коммуникативно «сообщить» американскому и всемирному сообществу о взаимосвязи между динамикой американского валового национального продукта (ВНП) и динамикой реального благосостояния населения была предпринята в США (Ф. Рузвельт). Эта попытка была связана с благим намерением сбалансировать социальные интересы различных сословий общества методом формирования государственно-политической концепции «ответственности правительства за благосостояние нации», а позже — «государства всеобщего благосостояния».

Как и в западных странах, в СССР в 1920-е гг. применительно к советским реалиям также рассчитывались показатели народного благосостояния в виде бюджетных индексов уровня жизни. Их количественным выражением были 24 наименования потребительских товаров. Публикации бюджетных индексов начались в 1922 г. и в дальнейшем в соответствии с расширением набора потребляемых товаров и услуг, индексы трижды пересматривались. Однако к 1929 г. эти публикации были прекращены как утратившие свое прежнее значение.

В более поздний период исследования уровня жизни возобновились на основе индексов динамики реальных доходов на душу населения.

С 1970-х гг. создавались математические модели в системе разработок оптимального функционирования экономики, а также ее влияния на уровень благосостояния населения (академик С.С. Шаталин, теория и модели СОФЭ и/или теория ТОФЭ) [6, с. 407]. Эти разработки способны иллюстрировать взаимосвязь социального благополучия страны и использования в экономике факторов динамизма в развитии производства, изменения характера и пропорций распределения ресурсов для производственного и непроизводственного потребления.

В настоящее время статистика всех стран использует широкий круг показателей как индикаторов уровня жизни населения, а результаты научных исследований воплощаются в главных информационно-коммуникативных документах, например, в конституционных и иных законодательных и правовых нормах, формулируя права и обязанности как государства, так и его граждан. Обязательства государства заключаются в социальной защите, поддержке и других мерах для тех групп населения, которые в этом нуждаются. Трудоспособные граждане имеют права и обязанности в области трудовой деятельности, налоговых платежей и т. д.

Конституция РФ в ст. 7 (п. 1 и 2) провозглашает: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека», где «...охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» [7, с. 5].

Информационно-коммуникативным средством современности может служить также приемлемая для любой страны *модель структуры личного богатства* представителей любого социального сословия (таблица).

Таблица

Структуры активов семейного богатства

Тип активов, их цена, стоимость и сумма в текущий момент времени
<p>Материальные и прочие активы, в том числе:</p> <ul style="list-style-type: none"> — собственное жилье (дом, квартира, др.); — земельные участки; — прочее недвижимое имущество; — транспортные средства; — доля в капитале компаний; — художественные и иные ценности; — прочее. <p>Финансовые активы, в том числе:</p> <ul style="list-style-type: none"> — наличные денежные средства; — банковские депозиты и вклады; — облигации; — акции; — пенсионные сбережения; — прочее. <p>Стоимость семейного имущества за вычетом обязательств, таких как накопленные долги по текущим и долгосрочным займам (кредитам), и т. п.:</p> <ul style="list-style-type: none"> — медиана; — среднее значение

Информационно-коммуникативные средства будущего постиндустриального общества. Начало нынешнего века предвещает переход к постиндустриальному обществу как новой технологической эпохе, определяющей особенностью которой служат электронно-цифровые и информационно-коммуникативные средства и технологии.

Материально-технические средства и инфраструктурные формы этих технологий были изобретены в основном ко времени расцвета уходящей индустриальной эпохи. Что это были за технологии? Что нового и необычного привнесено ими в эволюцию перехода к постиндустриальному обществу?

Во многом ответы на эти вопросы известны, но все еще мало изучены эффекты их использования, а также влияния на социально-экономическую дифференциацию и сословия современного общества. В частности, известны многие изобретения средств и форм технологического использования радио, телефона, электронных визуальных средств — телевидения, компьютера и, наконец, Интернета. Нет надобности доказывать своеобразие и новизну этих средств в эволюции информационно-коммуникативного взаимовлияния с современным обществом.

Особенностью эпохи их распространения оказалась возможность осуществлять дистанционную трансляцию звука и изображения для необычайно скоростного, масштабного воздействия на неисчислимо массовое количество людей. Особо продуктивным и прорывным информационно-коммуникативным средством оказались Интернет и компьютер, ставшие основой современных технологий цифрового программирования и их использования практически во всех сферах общественной жизнедеятельности.

Смена технологий и приближение постиндустриальной эпохи — ожидаемое явление глобального масштаба, преобразующее социально-экономическую и информационно-коммуникативную сферу жизнедеятельности людей. Ее начало положено в 1960-е гг., когда американскими специалистами из структур военной промышленности были созданы первые локальные компьютерные сети для децентрализации и защиты информации оборонного значения. Они были объединены функционально, но их терминалы размещались на значительном дистанционном удалении. В США подобные изобретения быстро переместились в сферы научного и потребительского назначения и воплотились, в частности, в исследовательских проектах американских и европейских университетов. Принцип «всемирной сети» как основы Интернета был разработан в Швейцарии учеными европейского института исследований в области физики элементарных частиц. Спустя 20 лет (1980-е гг.) технологии персональных компьютеров и средств связи между ними (модемов) оказались в сфере общественного пользования, хотя даже в 1990-е гг. благодаря Б. Гейтсу его *Microsoft* сформировали приоритеты в интересах развития сетевых ИКТ. Ожидалось, что многие социально-экономические проблемы исчезнут во всемирном «цифровом» пространстве благодаря ускорению ведущих технологических процессов во всех сферах жизнедеятельности людей.

Но оказалось, что, радикально решая одни проблемы, человечество сталкивается с массой проблем иного свойства. Как известно из истории эпохальных технологических переходов, события подобного масштаба содержат эффекты не только позитивного, но и негативного свойства. В совокупности их можно назвать «законом непредвиденных последствий» (англ. *law of unintended consequences*). В западной литературе [8] закон непредвиденных последствий рассматривается односторонне, т.е. лишь с точки зрения негативных эффектов и последствий регулирующих функций или решений правительства. Будучи законодательно закрепленными, такие решения не имеют обратного действия даже в тех случаях, когда, в противовес ожиданиям позитивного эффекта, они приносят явный ущерб.

Действительно, совокупность уже апробированных человечеством эффектов ИКТ и цифрового программирования содержит не просто инновационный позитив во всех привычных смыслах, но и необычные, неожиданные, ранее не существовавшие эффекты, которые человечеству вообще не были известны. В чем конкретно проявились эффекты, вызванные информационными и компьютерными технологиями в производственной сфере?

Производственно-технологические инновации и модель социального поведения нового креативного класса. В материалах Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход», состоявшегося 16–19 октября 2006 года в г. Звенигороде, отмечалось [9, 10], что инновационные компьютерные технологии специалистов *IT* в индустриальных процессах выпуска промышленной продукции формируют как позитивные, так и непредвиденные эффекты. Позитивные эффекты проявляются в ускорении ключевых производственных процессов и технологий; в том же направлении изменяются процессы управления жизненным циклом выпускаемых изделий как предмета и результата трудовой деятельности людей. Так, вследствие применения компьютеризации резко сократилось время переналадки основного и вспомогательного производственно-технологического оборудования. Соответственно, освоение выпуска нового изделия стало требовать не 5–7 и более итераций наладки оборудования производственно-технологической цепочки, как это было на индустриальной стадии, а всего 2–3 итерации. Сократилась также себестоимость перехода на выпуск новой продукции, имеющей короткий жизненный цикл. Появились новое качество управления технологическими процессами, рост производительности оборудования и производственных систем. Однако ускорение производственных технологий формирует перепроизводство изделий, цена продаж которых становится почти равной цене производства. При этом в низкой себестоимости и цене готового изделия по-особому проявляется «психологическая составляющая» эффектов: происходит не-

предвиденное преобразование жизненного цикла трудового коллектива как социальной организации индустриальной эпохи [9, 10]. Эффект перехода к компьютерному и ИТ-постиндустриализму потребует иных систем и методов управления не только жизненным циклом конструкторско-технологических решений, но и жизненным циклом модели поведения в человеческих организациях. Дело в том, что материальная технология, порождающая новую модель поведения создавших ее людей, способна превратиться в производственно-технологический комплекс наподобие приборного кубика-конструктора для одного отдельного конструкторско-технологического решения, где ключевая технология производства не тиражируется. В ее тиражировании нет необходимости, поскольку она «защита» в сознании ИТ-специалиста компьютерного программирования. Технологии этого типа предметно реализуются в схемах и микрочипах электронных устройств, являясь, по существу, интеллектуальной собственностью изобретателей цифровой программы. Особенность заключается еще и в том, что применение нового технологического знания в электронных устройствах минимизировано по стоимости, а человеческие знания и профессиональные навыки компьютерщиков приобретают стоимость намного выше, чем приборная часть технологического комплекса. Стоимость материальных и нематериальных активов компании становится значительно ниже или пренебрежительно малой по сравнению с суммарной рыночной стоимостью сотрудников, обладающих ключевыми технологическими компетенциями. Явно формируется новый вид технологической монополии ИТ-специалистов на их интеллектуальную собственность, формируя также новую модель поведения с их стороны. В совокупности оказывается, что компьютерные инновации ускоряют разрушение существующих индустриальных технологий, с утилизацией ее «остатков» не только в виде материальных и нематериальных ресурсов, но также индивидуальных и коллективных знаний высвободившихся людей индустриальной эпохи. Утилизация коллективных знаний исчезающей человеческой организации индустриальной эпохи происходит вплоть до полного стирания коллективной памяти, содержащей знания об индустриальных технологиях. В отличие от индустриальной эпохи, где доступ к технологиям непременно означал доступ к приборам, машинам, устройствам и т. п., в постиндустриальном обществе формируется принципиально иная идеология обеспечения технологического прогресса: доступ к новым технологиям основывается исключительно на доступе к ИТ-специалистам, монопольно обладающим ключевыми компьютерными технологиями и компетенциями. Непредвиденным оказалось и то, что виртуальная сфера Интернета позволяет беспрепятственно и быстро распространять «технологический монополизм» в отраслях обновляемой экономики и сопряжен-

ных с ней социальными и политическими сферами. Виртуальность Интернета как среды обитания идей и взаимодействия технологических профессионалов, меняющаяся модель социального поведения «айтишников» выражается в их явном и неявном требовании изменения отношения к себе как к новому «верховенствующему» классу в социально-экономической иерархии общества.

Киберактивный класс *IT*-программистов «виртуально» информирует и объясняет окружающему миру собственное «объективное видение» необходимости перемен, их неизбежности и надобности новой, социально-экономической дифференциации человеческого общества. Побеждающие во всех сферах новые формы информационных технологий вызывают настороженность и множество вопросов. Например, что произойдет с уже существующими законодательными правами и обязанностями граждан и государства; сохранятся ли нынешние, гарантированные государством, права для существующих социальных групп; какова судьба демократии и какие изменения принесут наступающие ИКТ в рыночную систему, сферу труда, систему образования, культуры; как изменится потребительское поведение людей? Общеизвестно, что в какой бы форме ни существовали ИКТ, они всегда были и остаются средством для того, чтобы «пометить территорию» и сообщить о собственных правах, определив на свой лад «статус» остальных социальных групп общества. Но каждая из уже существующих социальных групп, осознавая или не осознавая истинный смысл собственного эгоизма в условиях происходящих перемен, явно или неявно заявляет: «Мы все хотим присвоения существующего богатства. И нам его нужно несколько больше, чем многим другим».

Если подобные проявления эффектов не вымысел, то можно констатировать, что современной эпохой просто созданы новые, электронные коммуникативно-информационные средства для замены ими средств уходящей индустриальной эпохи. Закономерности эволюции сохраняются: новые средства информационно-коммуникативных технологий создают новые проявления дифференциации общества, где обособляются креативные представители уникальных знаний. Окажется ли этот факт предпосылкой формирования нового социального неравенства?

Новое креативное сословие во все времена, обособляясь, изменяло социальную иерархию, зачастую вытесняя традиционную элиту и подчиняя традиционные цели сообщества личным интересам. Новый креативный класс нынешних *IT*-специалистов получил своеобразное, но не случайное название «нетократия» (от англ. — *netocracy*), а его социальная роль и функции пока привлекают повышенное внимание лишь заинтересованных наблюдателей.

Нетократия как новый креативный класс общества. Почему этот класс специалистов получил определение нетократии? В чем состоит особенность их социального поведения?

Как отмечалось выше, во все времена креативность людей проявлялась в уникальности их знаний, компетенций и способностей к созданию эффективных методов их информационно-коммуникативного применения. Нынешние креативные специалисты в области *IT* и компьютерного программирования «эволюционно» произошли от так называемых технократов индустриальной эпохи. Но условия деятельности современных *IT*-специалистов оказались иными по двум основным причинам: прежде всего, в связи с виртуальностью сферы Интернета, все еще не подлежащей регулированию и контролю, а также благодаря нематериальному содержанию цифровых программ как предмета интеллектуальной собственности. В цифровом «продукте» специалиста компьютерного программирования воплощены уникальные, трудно и долго не воспроизводимые свойства, а знания и навыки программирования позволяют его совершенствовать и усложнять практически бесконечно. Многообразие содержания и видов такого продукта превышает количество собственно специалистов компьютерного программирования. Разнообразие «продукта» зависит от спроса и купли-продажи, а виртуальная среда Интернета оказалась уникально подходящей и необъятной сферой соответствующего виртуального бизнеса. *IT*-специалисты, как владельцы своего продукта и участники бизнеса по его купле-продаже на принципах свободного ценообразования, формируют личные доходы как для себя, так и для пользователей.

«Поведенческая» специфика интеллектуалов виртуальной сферы формально отражает осознание реалий — неконтролируемых прав на индивидуальную цифровую программу, ее распространение и использование. Электронный продукт и его содержание не материальны, хотя и создаются с помощью соответствующей материально-технической инфраструктуры, компьютерного «железа» и записи на жестких носителях. Электронная форма записи цифровой программы, осуществляемая в кодовых знаках и/или паролях, не требует каких-либо ограничений в правах ее создания, осуществления коммерческого «оборота», а также применения. Виртуальность сферы его обращения, продаж и использования также безграничны: всемирная сеть Интернета позволяет беспрепятственно его предлагать и использовать для проникновения в общественно-политические, социально-экономические сферы общества и частную жизнь людей.

Законодательство большинства стран в данной области несовершенно: чаще всего им не предусмотрена регистрация прав ни для программиста, ни для пользователя его «продуктом»; далеко не полный контроль содержания программ. По совокупности перечислен-

ных и иных обстоятельств Интернет как сфера товарного оборота этого вида собственности не знает границ и распространяется до глобальных масштабов.

Нетократы объективно оценивают значимость собственного технологического влияния на общий ход и характер технологической эволюции перехода к предстоящей постиндустриальной эпохе. Но главное то, что их социально-правовая и экономическая независимость позволяет им не рассчитывать на благосклонность государства и его социальные функции защиты и вспомоществования. Нетократы именно себя считают новым правящим классом. Но, в отличие от представителей государства, они не нуждаются в публичности и общенародном официальном признании своей роли в области «верховой» власти, политики и экономики. Их парадигма социального существования и перераспределения власти в социуме основывается на модели, подобной той, с которой произошел переход от феодальной аристократии к буржуазии индустриальной эпохи. Отличие от той модели сводится к специфике экономического поведения класса нетократии и «демонстрации» его пренебрежительного отношения к деньгам и традиционным формам капитала. В сегодняшнем мире подобные средства не являются модными и дефицитными, поскольку сейчас эти блага легко получить при наличии персонального компьютера и доступа в Интернет в любой момент. Согласно «идеологии и философии» нетократов, интерес представляют не деньги, а «место в сети Интернет», в ее уникальной и безальтернативной ценности, вообще не подлежащей ни купле-продаже, ни обмену. В Сеть как виртуальную сферу обитания нетократии может попасть лишь тот, кто владеет эксклюзивной, ценной и тайной информацией о том, как взять власть; где находится богатство, чтобы им воспользоваться в любой удобный момент в личных целях и в интересах той политики, которую формирует нетократия [1].

Именно на этом основании новый класс *IT*-специалистов отводит себе верховенствующую роль в будущем обществе, именуя себя новой элитой в перегруппировке существующей социально-экономической дифференциации классов и переходе к будущему постиндустриальному обществу. Предположения относительно других сословий в социуме основываются, видимо, на фактически начавшемся расслоении по видам киберпреступности. Дифференциация как процесс расслоения определяется ролью и функциями обособляемых групп в социуме и его классах. В соответствии с идеологией нетократии, во-первых, обсуждению не подлежит «верховенство» ведущего класса, статус которого идентичен статусу класса аристократии старой феодальной эпохи. Во-вторых, современная и феодальная дифференциации общественных классов идентичны и в отношении низших социальных классов: они получили наименование

«консьюмериат» и «киберпанки». Соответственно, определены их функции и роль в новом сообществе классов. *Консьюмериату* отводится роль обслуживающего персонала для «верхушки» нетократии и ее стратегических интересов. Другая низшая группа — *киберпанки* — люди, не вписавшиеся в правила и нормы обслуживания интересов нетократии как господствующего сословия.

Не исключено, что распределение ролей и функций существующего специализированного «расслоения» основано на характере и направлениях массовой виртуальной киберпреступности. Например, в числе таких групп имеются *трояны-вымогатели*, деятельность которых имеет вид виртуального пиратства по мошеннической добыче продукции интеллектуальной собственности — новой музыки, кино, других произведений искусства и шоу-бизнеса в сфере развлечений. Известны группы преступников, именуемых *банковскими троянами*. Они заражают вирусами компьютеры с целью воровства информации и денежных средств клиентов в банковской сфере. *Кейлоггеры*, или клавиатурные шпионы, специализируются на воровстве денежных средств владельцев электронных карт; *ботнеты* рассылают спам, блокируя работу компьютеров в сфере бизнеса. Наконец, новейшая разновидность неконтролируемого цифрового программирования — *BitCoin Miner* — разработана и используется для «продуцирования» соответствующих криптовалют типа *BTC*, *LTC* и др.

В виртуальной сфере разнообразие форм виртуальных атак и мошеннических сделок зашкаливает, а Интернет становится попросту опасным [11, 12]. Киберпанки используют мошеннические схемы личного обогащения, не подпадая под существующие законодательные нормы ответственности.

В перспективе дифференциация нетократии станет еще более выраженной, приобретая территориальный характер, а анклавов будут формироваться либо на островах, либо на побережье, оставляя континентальные массивы консьюмериату, вынужденному жить в условиях киберпанка. Элита постепенно формирует для себя отдельные сетевые отношения и анклавов стабильного будущего [13].

Рост социальной дифференциации отчетливо просматривается во всем мире в последние 20 лет. Экономический истеблишмент с приторным удивлением констатирует, например, то, что даже в США уровень сбережений среди преобладающей части населения катастрофически сократился. Причина этого лукаво усматривается в слишком щедрых социальных программах государства для нуждающегося населения [14]. В США процесс формирования анклавов постиндустриальных элит отчетливо виден в Калифорнии и Флориде. В Европе, где социальная дифференциация еще не достигла таких масштабов, он лишь начинается. В целом в различных анклавах размещения заметно отличие нетократии от элиты буржуазно-чинов-

ничьего общества и его предпринимателей, которые строят линейно-иерархические отношения, все менее эффективные даже с точки зрения главного принятого в буржуазной среде критерия — денежной прибыли. Сетевые системы Интернета оказываются настолько прибыльнее линейно-иерархических, что нетократия все менее фиксирована на этом критерии, воспринимая избыток финансов как должное, и все более мотивируется критериями иного порядка, связанными с удобством и комфортом существования, а вопрос о том, как тратить деньги, более важен, чем как их зарабатывать [13].

Заключение. В условиях непрозрачности и недостаточного контроля виртуальной сферы Интернета, при отсутствии статистических данных для определения реальной дифференциации и оценки результатов деятельности профессиональных групп ИТ-специалистов виртуального бизнеса затруднителен систематический и глубокий анализ рассмотренных проблем. Поэтому остается надеяться, что рассмотренные выше аспекты проблемы станут объектом более пристального внимания и обсуждения отечественной научной общественностью.

Дополнительные материалы интересующихся наблюдателей достаточно полно представлены, в том числе в текущих изданиях СМИ [11, 12], а также в форме обсуждений на соответствующих интернет-сайтах [13], содержание которых имеет вид личных комментариев заинтересованных наблюдателей [15].

Приложение. Наблюдатели образа жизни современной нетократии отмечают [13, 15], что «поведенческая» специфика в части представителей киберпреступности все еще не является доминантой общества уникальных высокопрофессиональных специалистов. Но их существующие элиты, видимо, вынуждены будут стремиться проникать в сферы реальной власти, не особенно вдающейся в суть происходящих процессов. Во властных структурах возможна реализация решений, принимаемых ведущими группами нетократии. А процедуры принятия этих решений никакой гласности и никакой демократии не предполагают, но апостериори оформляются видимостью демократических процедур, расцениваемой нетократами, скорее, как ритуал, нежели как нечто понятное и приемлемое с позиций их образа жизни. Это объясняется тем, что нетократии нечего делить с существующими общественными и государственными структурами. Контроль над природными ресурсами нетократию мало интересует, так как является слишком затратной, с ее точки зрения, деятельностью. Постиндустриальная элита практически не нуждается также в контроле над ресурсами территорий. Поскольку ИКТ — это абсолютно мобильные ресурсы, которые она контролирует на правах естественной монополии. ...Государственные структуры со своей стороны не вполне претендуют на контроль над интересующими нетократов ресурсами, так как большинство из них считаются неви-

димыми. В силу этого сегодня использовать эту сферу возможно лишь через контроль инфраструктуры, в частности, через сферу связи, хотя через этот механизм может быть доступной лишь мизерная часть ресурсов нетократии. Тогда как ее различные представители достаточно эффективно используют оффшоризацию и виртуализацию экономики и ее финансовых потоков. В новой экономике эти потоки имеют низкую материалоемкость и малые габариты, а то и вообще являются нематериальными услугами. В силу этого логистика этих потоков осуществляется через Интернет и его прочие виртуальные каналы. Контролировать их практически невозможно, даже обладая полной информацией о каждой проводке каждого обладателя денежных счетов. Любая попытка законодательного закрытия очередных финансовых схем немедля компенсируется появлением новых схем. Нетократия имеет возможность не поддерживать налогами территориальные государства. Если в индустриальной экономике государствам удается обложить порядка 80 % оборотов, что близко к тотальному контролю, то в новой экономике ему удастся обложить лишь 5 % оборотов, да и те оцениваются ими лишь прикидочно. Новый креативный класс однозначно «самоопределил» свое появление, социальное происхождение и претензии в будущем обществе постиндустриальной эпохи [15].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бард А., Зодерквист Я. *Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма*: пер. с шведск. Москва, 2003. URL: [www. book. ariom.ru/ txt672.html](http://www.book.ariom.ru/txt672.html)
- [2] Мор Т. *Золотая книга, столь же полезная, как забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии*. Louvain, 1516. Рус. пер. Москва, 1953.
- [3] Кампанелла Т. *Город Солнца*. 1602, изд. 1623. Рус. пер. Москва, 1954.
- [4] Плеханов Г.В. *Утопический социализм XIX в.* Москва, 1958.
- [5] Лобачева Е.Н., ред. *Экономическая теория*. Москва, Юрайт, 2010.
- [6] *Экономическая энциклопедия*. Т. 2. Москва, Советская энциклопедия, 1975.
- [7] *Конституция Российской Федерации*. Москва, Проспект, 1999.
- [8] Долан Э.Дж., Линдсей Е.Д. *Рынок: микроэкономическая модель*: пер. с англ. Санкт-Петербург, Автокомп, 1992.
- [9] Лепский В.Е., ред. *Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» 16–19 октября 2006 г., г. Звенигород*. Москва, Когнито-Центр, 2006.
- [10] Денисов А.А. Нетократия как стратегический субъект XXI века. *Проблема субъектов российского развития*, с. 48–57. URL: <http://www.improvement.ru>
- [11] Юзбекова И. Kaspersky: пользователи разочаровались в безопасности Интернета. *РБК daily*, 2013, № 230 (1763), с. 1, 8. URL: <http://www.rbcdaily.ru>
- [12] Хиппонен М. (*F-Secure*). Самый большой источник хакерских атак — бывший Советский Союз. *РБК daily*, 2013, № 204 (1737), с. 9. URL: <http://www.rbcdaily.ru>

- [13] *Нетократия и постмодерн*. URL: <http://www.netocracy.us/publ>
- [14] Самуэльсон П., Нордхаус В. *Экономика*: пер. с англ. Москва, Санкт-Петербург, Киев, 2008, с. 720–726.
- [15] *Нетократия как стратегический объект XXI века*. URL: <http://www.improvement.ru>

Статья поступила в редакцию 20.06.2014

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Родионова В.Г. Социально-экономическая дифференциация общества в цифровую эпоху: нетократия — вымысел или реальность? *Гуманитарный вестник*, 2014, вып. 4. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/socio/199.html>

Родионова Валентина Георгиевна — канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономическая теория» МГТУ им. Н.Э. Баумана. Лауреат премии Правительства Российской Федерации (2002). Автор электронных и типографских изданий учебных пособий «Макроэкономика» и «Микроэкономика»; спецкурса «Управление государственной собственностью». Соавтор учебников «Экономика» кафедры «Экономическая теория» и «Микро-экономика» Финансовой академии при Правительстве РФ. Область научных интересов: инновации и IT-технологии как фактор динамической эффективности экономики. Опубликовано 28 учебно-методических и научных работ. e-mail: avroro2@mail.ru

Socio-economic differentiation of the society in the digital age: is netocracy fiction or reality?

© V.G. Rodionova

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The article examines general aspects of socio-economic differentiation of the population in terms of wealth and indicators of real wealth. Scientifically developed methods and criteria for evaluation of social processes are applied in public policy in almost all countries of the world. However, modern science has not sufficiently investigated the latest social phenomena that are brought by digital era in the sphere of social life. Thus, netocracy appears to be a new and understudied phenomenon. It is named as a particular social group, using IT and digital programming methods as the main factors of post-industrial society, the seizure of power and real wealth on a global scale.

Keywords: socio-economic differentiation of the population, the social state, social policy, real wealth, prosperity, normal level of prosperity, poverty, misery, law of unforeseen consequences, netocracy signs, post-industrial society, technological base of netocracy, cost of competitiveness.

REFERENCES

- [1] Bard A., Zoderkvist Ja. *Netocracy. The new ruling elite and life after capitalism*. Lane. Swedish. MG, 2003. Electronic edition. Available at: <http://www.book.ariom.ru/txt672.html>
- [2] Moore T. *Zolotaya kniga, stol' zhe poleznaya, kak zabavnaya o nailuchshem ustroistve gosudarstva i o novom ostrove Utopii* [Golden Book, as useful as fun on the best structure of the state and the new island of Utopia]. Louvain, 1516. Eng. Moscow, 1953 (in Russian).
- [3] Campanella T. *Gorod Solntsa* [Sun City]. 1602, ed. 1623. Moscow, 1954 (in Russian).
- [4] Plekhanov G.V. *Utopicheskiy sotsializm XIX v.* [Utopian socialism of the XIX century]. Moscow, 1958.
- [5] Lobacheva E.N., ed. *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic theory]. Textbook for universities. Moscow, Yurait Publ., 2010.
- [6] *Ekonomicheskaya entsiklopediya* [Economic encyclopedia]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1975, vol. 2, p. 407.
- [7] *Konstitutsiya Rossiyskoi federatsii* [The Constitution of the Russian Federation]. Moscow, Prospect Publ., 1999, p. 5.
- [8] Dolan E.J., Lindsay E.D. *Market: microeconomic model*. St. Petersburg, Avtokomp Publ., 1992 (in Russian).
- [9] Lepsky V. E., ed. *Materialy Mezhdunarodnogo foruma «Proekty budushchego: mezhdistsiplinaryni podkhod» 16–19 oktyabrya 2006, g. Zvenigorod* [Proc. Int. Forum «Future projects: an interdisciplinary approach» 16–19 October 2006, Zvenigorod]. Moscow, Cognitive-Center Publ., 2006.
- [10] Denisov A.A. *Netokratiya kak strategicheskiy sub"ekt 21 veka* [Netocracy as a strategic entity of the 21st century]. *Problema sub"ektov rossiyskogo razvitiya* [The problem of subjects of the Russian development], pp. 48–57. Available at: <http://www.improvement.ru>

- [11] Yuzbekova I. *Kaspersky: polzovateli razocharovalis' v bezopasnosti Interneta* [Kaspersky: Users are out of conceit with Internet security]. *RBK daily*, 2013, no. 230 (1763), pp. 1, 8. Available at: <http://www.rbcdaily.ru>
- [12] Hipponen M. (F-Secure). The largest source of hacker attacks is the former Soviet Union. *RBK daily*, 2013, no. 204 (1737), pp. 9. Available at: <http://www.rbcdaily.ru>
- [13] *Netokratiya i postmodern* [Netocracy and postmodern]. Available at: <http://www.netocracy.us/publ>
- [14] Samuelson P., Nordhaus V. *Ekonomika* [Economy]. Moscow, St. Petersburg, Kiev, 2008, pp. 720–726 (in Russian).
- [15] *Netokratiya kak strategicheskiy ob"ekt XXI veka* [Netocracy as a strategic object of the XXI century]. Available at: <http://www.improvement.ru>

Rodionova V. G., Ph.D., Assoc. Professor of the Economy Theory Department at Bauman Moscow State Technical University. The Government Laureate of the Russian Federation (2002). She is the author of such textbooks as “Macroeconomics” and “Microeconomics”, of the course “The state property management”, co-author of the textbook “Economics”; author of 28 teaching and scientific works. Scientific activities and research interests include IT innovation and technology as a factor in the dynamic efficiency of the economy. e-mail: avrora2@mail.ru